

зерна из производящих районов Сибири. Развитие собственного производства должно было обеспечить снижение зависимости региона от завоза продовольствия, и в перспективе – ликвидацию хлебного дефицита. Однако политика монополизации заготовительного рынка, одним из аспектов которой являлось первоочередное обеспечение зернового экспорта и промышленных районов, начала осуществляться тогда, когда Дальний Восток еще не успел восстановить свое зерновое производство и тем более обеспечить его устойчивое развитие. Меры, принимаемые государством для регулирования хлебного рынка в производящих районах страны, привели на Дальнем Востоке к заготовительному и потребительскому кризису.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: Очерки истории. Владивосток, 1991.

2. Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX века: Коллективизация и ее последствия. Владивосток, 2004.

3. Отчет Дальэконо Сэкономическому Советанию РСФСР. Б. м., 1924.

4. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005.

5. Отчет Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1925–1926 год. Хабаровск, 1927.

6. Обзор конъюнктуры народного хозяйства ДВК за первое полугодие 1925/26 года. Б. м., б. г.

7. Записка о состоянии и нуждах Дальневосточного края. Хабаровск, 1927.

8. Обзор конъюнктуры народного хозяйства ДВК в декабре и первом квартале 1927/28 г. // Приложение к журналу «Экономическая жизнь Дальнего Востока». 1928. № 1.

Статья поступила
в редакцию 29.04.2013

УДК 94(47).084.6

С.А. ЕСИКОВ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАК СРЕДСТВО МОДЕРНИЗАЦИИ

д-р ист. наук,
Тамбовский государственный технический университет
e-mail: milana.61@mail.ru

В статье рассматриваются социальные и экономические предпосылки массовой коллективизации. Автор считает, что нэп не создал механизм устойчивого поступательного развития сельского хозяйства. К концу 1920-х гг. посевные площади не достигли довоенного уровня. Анализируются основные альтернативы аграрного развития страны. Сделан вывод, что в конкретно-исторических условиях рубежа 1920–1930-х гг. ни бухаринская, ни чайновско-кондратьевская альтернативы сталинской форсированной коллективизации реальных шансов на претворение в жизнь не имели.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, нэп, кризис хлебозаготовок, сельская кооперация, альтернативы социально-экономического развития, коллективизация, модернизация.

Долгое время отечественная историография тиражировала созданный советскими властями миф о восстановлении довоенных посевных площадей под зерновыми культурами и разрешении на базе нэпа продовольственной проблемы. При этом совершенно замалчивались факты серьезных продовольственных трудностей и даже голода, которые пережило сельское население недородных губерний европейской части СССР в 1924–1925 гг. [1]. Продовольственная ситуация в деревне вновь обострилась весной 1928 г. в результате хлебозаготовок, проведенных с помощью административного принуждения, а в ряде случаев – с помощью прямых репрессий против крестьянства.

Сельское хозяйство, в отличие от промышленности, восстанавливалось более медленными темпами. В годы нэпа производство в аграрном секторе было пред-

ставлено исключительно единоличными крестьянскими хозяйствами, что и сказывалось на темпах восстановления. К 1927 г. удельный вес середняков в стране достиг 62,7 %. Однако укрепление позиций средних слоев крестьянства в социальной структуре деревни не было равнозначно экономическому росту самого хозяйства середняка. Осреднячивание означало нивелировку, поравнение по более низкому уровню обеспеченности средствами производства и прожиточного уровня. Ставка на средние слои деревни на практике оборачивалась признанием приоритета натурального хозяйства перед рыночным, производящим.

С 1926–1927 гг. в стране фактически утвердилась социально-политическая линия, направленная на распределение, а не на производство. Накопление у крестьянской массы приняло натуральные формы в ущерб

денежным и становилось с каждым годом все более вынужденным и нерациональным.

Рынок четко показывал, что быстрая индустриализация за счет крестьянства при сложившихся условиях неосуществима. Товарный хлеб составлял 13 % (по другим данным 20 %) урожая по сравнению с 26 % до войны. В 1927 г. государству удалось заготовить 630 млн пуд. хлеба, тогда как в 1913 г. на рынок поступило 1 300 млн пуд. А в 1928 г. товарная часть зернового производства составила только 48,4 % от уровня 1913 г. [2, с. 143]. Вывоз продуктов сельского хозяйства не мог быть заменен вывозом другой продукции, и этот факт мешал наращиванию внешней торговли. Посевные площади в 1927 г. были на 3–4 % меньше довоенного уровня. В расчете на душу населения они уменьшились более существенно, составляя в целом 90 и 87 % под зерновыми [3, с. 140]. Универсальным показателем уровня развития сельского хозяйства всегда была урожайность зерновых культур. Сравнение урожайности за пять нэповских лет с предвоенным уровнем дает 6,9 ц/га в 1909–1913 гг. против 7,6 ц/га в 1924–1928 гг. [4, с. 284]. Вряд ли все это позволяет говорить о готовности страны к индустриализации.

Мелкое крестьянское хозяйство 1920-х гг. почти полностью основывалось на применении ручного труда. Рабочая сила человека являлась его главной производительной силой. Затраты живого труда в производстве хлебов намного превышали материальные издержки. Ручной труд преобладал в производстве всех сельскохозяйственных культур.

Сельскохозяйственные орудия и машины, постоянное совершенствование и расширение использования которых является решающим средством подъема производительности труда, играли совершенно недостаточную роль в производстве продукции. По данным обследования крестьянских бюджетов 1925/26 г. в Тамбовской губернии, на долю сельхозинвентаря из всей стоимости имущества в хозяйствах с посевом до 4 дес. приходилось 5,6 %, от 4 до 8 дес. – 9,6, свыше 8 дес. – 12,7 %¹. Как видим, удельный вес простейшей техники в производстве сельскохозяйственных культур был мизерным. Затраты живого труда крестьянина и его семьи в десятки раз превышали затраты труда, овеществленного в технике.

Заметные сдвиги в обеспечении сельского хозяйства машинами и орудиями происходили с середины 1920-х гг., когда крестьяне начали ежегодно получать в бюджетном и кредитном порядке значительные суммы денег, которые использовались для укрепления в основном бедняцких и середняцких хозяйств на льготных условиях, а также для развития кооперативов. Однако суть технической политики советского государства заключалась не столько в том, чтобы усилить технические возможности общественного и кооперативного секторов, сколько в том, чтобы закрыть доступ к технике зажиточному крестьянскому хозяйству. Тем

¹ Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 90–91.

самым техническая политика власти шла вразрез с объективными условиями. Наиболее подготовленными к восприятию технических новаций, использованию техники в производстве была зажиточная часть крестьянства. Именно она отстранялась от участия в этом сложном и ответственном для общества процессе.

Несмотря на усилия, предпринимаемые властями, крестьянское хозяйство было оснащено в техническом отношении крайне низко. Так, в 1928 г. в среднем по Тамбовской губернии на одну соху приходилось лишь 0,58 плуга; на 1 октября 1928 г. в Тамбовском округе насчитывалось 385 тракторов, в Козловском – 240, в Борисоглебском округе – 606². При условии, что все трактора работают с полной нагрузкой (150 га за сезон), они смогли бы обработать лишь 3,2 % имевшейся пашни. В целом по стране в 1928 г. лишь около 1 % площади яровых было вспахано тракторами.

Как известно, экономический рост (т. е. расширенное воспроизводство) при неизменной технологии предполагает, что на каждом новом производственном цикле в процесс вовлекается дополнительное количество материальных ресурсов, созданных, но не потребленных в предыдущих циклах. Другими словами, расширенное воспроизводство невозможно без накопления.

Зерновое производство крестьянских хозяйств полностью соответствовало указанной модели: не менявшиеся на протяжении многих десятилетий способы и орудия обработки земли и ухода за посевами сохранялись и в 1920-е гг. В традиционном крестьянском хозяйстве основную роль играли, как уже отмечалось, средства производства естественного происхождения, прежде всего лошадь как главный источник двигательной энергии. Количество и качество лошадиных сил определяли степень интенсивности и производительности человеческого труда. Поэтому важнейшим показателем производственного накопления в крестьянском хозяйстве является количество рабочего скота в расчете на одного работника.

В течение всего периода нэпа этот показатель демонстрировал отрицательную динамику. Это означало, что крестьянская экономика не только не накопила дополнительный энергетический потенциал, необходимый для ускоренного восстановительного роста, но и потеряла часть потенциала, созданного до революции. Например, в 1920-е гг. в Тамбовской губернии произошло резкое сокращение поголовья лошадей, особенно рабочего возраста, в крестьянских хозяйствах. Даже в 1927 г. достичь дореволюционного уровня не удалось: 296 288 голов против 387 139 в 1917 г.³ Отмечалось сокращение количества лошадей рабочего возраста, приходившегося на 100 дес. посева: в 1917 г. – 21,8 лошади, в 1925 г. – 14,1, в 1926 г. – 14,9⁴. Проанализировав пред-

² Центральная-Черноземная область: Справочная книга. Воронеж, 1929. С. 159–160.

³ Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. С. 66.

⁴ Отчет Тамбовского губкома ВКП(б) XIX губернской партийной конференции. Тамбов, 1927.

военные бюджетные обследования Тамбовской губернии, А.Н. Челинцев пришел к выводу, что на 100 дес. посева требовалось в среднем не менее 16,7 лошади в северной полосе губернии и не менее 17,5 лошади – в центральном и южном районах [5, с. 215–216].

Прогрессивные формы земледелия, такие как многополье со сменой культур и травосеянием, очень трудно проникали в сельское общество с его традиционной чересполосицей, несмотря на то, что государство уделяло агрономическому обслуживанию населения большое внимание. В целом по РСФСР в 1924 г. многопольные севообороты применялись лишь на 7,2 % посевной площади. Они были характерны главным образом для районов производства интенсивных технических культур. В основных же зернопроизводящих районах хлеб растили преимущественно по старинке. В 1927 г. в РСФСР многопольные севообороты применялись уже на 17,3 % посевных площадей, на четвертой части озимых посевов практиковались ранние и улучшенные пары, на трети яровых проводилась вспашка под зябь, выполнялась работа по очистке и сортировке семенного зерна [4, с. 278–279]. По данным Э.М. Щагина, максимальный контингент сельских активистов-производственников («культурных хозяев») исчислялся всего 10–15 тыс. чел. [6].

Приведенные факты могут свидетельствовать лишь об элементарном совершенствовании технологии крестьянского производства, но не о набравшей силу тенденции, а тем более не о том, что в аграрном секторе советской экономики назрел качественный технологический прорыв.

Таким образом, в 1920-е гг. производственный потенциал крестьянских хозяйств повысился незначительно. Обеспеченность человеческого труда рабочим скотом заметно отставала от дореволюционного уровня. Поскольку именно этот показатель наилучшим образом характеризует потенциал увеличения производительности труда в крестьянской экономике, можно утверждать, что довоенная производительность труда в зерновом производстве была при сохранении господства мелкокрестьянского производства недосяжима. Падение производительности труда не восполнялось и приростом численности трудоспособного сельского населения. Очевидным был факт кризиса зернового производства в годы нэпа, который проявился в стагнации посевных площадей под зерновыми культурами, в отсутствии в крестьянских хозяйствах производственных возможностей для удовлетворения собственных нужд (не говоря о потребностях города, промышленности и т. д.) и в неспособности достижения даже дореволюционного уровня. Объективно оценивая положение дел в сельском хозяйстве, июльский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП(б) совершенно справедливо отметил: «Из всех отраслей сельского хозяйства зерновое хозяйство является наиболее отсталым как в смысле его производительности (урожайности), так и в смысле его товарности» [7, с. 349].

Кризис хлебозаготовок в конце 1920-х гг. был вызван ценовой политикой государства, а не враждебны-

ми действиями крестьян, которые не хотели продавать свой хлеб государству по низким ценам. Чрезвычайные меры стали битвой за контроль над распределением доходов. Сталинское руководство было твердо убеждено, что нэп дал слишком много деревне и слишком мало городу. Великий перелом заложил основы тоталитарной системы, которая должна была изменить распределение доходов, проводя его в ущерб крестьянству.

По всей видимости, прав был В.В. Кабанов, писавший: «Нэпу мог, должен, просто обязан был быть противопоставлен только один метод – а-ля “военный коммунизм”, сравнительно мягкий, что маловероятно, а скорее всего жесткий, как оно и вышло. И никаких альтернатив!» [8, с. 222]. Исследовавший проблему альтернативности в социальном развитии страны Е.А. Никифоров сделал вывод: «У российского социума не было, нет и, если не произойдет спонтанной мутации (т.е. вмешательства иррациональных сил), не будет никаких альтернатив. В российском социуме <...> заложено нечто жестко детерминирующее его историческое существование» [9, с. 204].

Дальнейшую судьбу страны в целом и ее аграрного сектора в частности многие современники, да и нынешние исследователи связывали с всесторонним развитием сельской кооперации. Было здесь и немало иллюзий. Так, В.П. Данилов, следуя, по всей видимости, за Н.И. Бухариным, писал, что советская деревня, может быть только в 1960–1980-е гг., опираясь на реально созданные возможности комплексной механизации и электрификации, подходила бы к практическому к практическому созданию коллективного земледелия [4, с. 15]. При таком понимании процесса кооперирования вопрос о времени его завершения не возникал. Соглашались, что это заключение стояло довольно далеко от реальной жизни. Как же существовала бы деревня в течение тридцати лет с 1930-х до начала 1960-х гг.?

В советской историографической традиции господствовала концепция восхваления «грандиозных успехов» кооперативного движения в стране, подготовившего ее к осуществлению «сплошной коллективизации». Лишь в конце 1980-х гг. историки были поставлены перед необходимостью признать факт разрушения кооперации, а не ее расцвета. Состояние кооперации не было следствием злой воли руководства страны, а вытекало из несовместимости кооперации как категории рыночной экономики с сформировавшимся строем «безрыночного социализма». Главным противоречием строившегося социализма было противоречие между планом и рынком. Оно касалось и кооперации. Кооперация может существовать только в условиях рыночных отношений. План же, как важнейшее средство строительства социализма, был направлен на уничтожение и нэпа, и рынка.

Наиболее ярко отношение большевиков к кооперации проявилось в годы военного коммунизма. Но даже в связи с переходом к нэпу, когда В.И. Ленин признавал «чрезмерное удушение кооперации», он продолжал утверждать, что «свобода и права кооперации <...> оз-

начают свободу и права капитализму». В связи с переходом к нэпу допускалось «известное расширение ее «свободы» и ее прав» (слово «свобода» автор поместил в кавычки) [10, с. 64, 225]. Призыв Ленина к внимательному отношению к кооперации, к пониманию ее огромного значения в социалистическом строительстве не предполагал отказа от намерения преобразовать кооперацию, изменить принципы кооперативной работы в соответствии с пролетарскими представлениями. В знаменитой статье «О кооперации», как известно, речь шла о необходимости «заставить всех поголовно активно участвовать в кооперативных операциях» [11, с. 372]. Кооперация никогда не порывала с индивидуальной свободой, в отличие от «поголовного» коллективизма, который предполагал ленинский строй «цивилизованных кооператоров».

Уже в начальный период нэпа были заложены все основные элементы предстоящей кончины кооперации. Надежда на то, что «дозволенная» кооперация будет вести крестьян к социалистической цели, не оправдалась. Ее развитие шло с трудностями и противоречиями: подавляющая часть восстановившихся после военного коммунизма объединений вличила жалкое существование; там же, где достигалось продвижение вперед и кооперация заработала, развитие шло в противоположном от ожидавшегося направлении. В партийно-государственных кругах развернулась дискуссия с целью выяснения причин этого. Большинство ее участников винили «контрреволюционную» природу кооперации. Началась кампания по превращению кооперации в большевистскую, изгнанию так называемых старых кооператоров, которые были специалистами в кооперативном деле.

Кооперация превращалась в государственно-кооперативное предприятие. В этом качестве она утрачивала ранее сильные стороны: инициативность, маневренность, способность заинтересовать население. Из нее изгоняли кооперативный дух. Внутренне она становилась чрезвычайно слабой и снова превращалась, как и в годы военного коммунизма, в придаток государственной системы.

Относительно так называемого курса РКП(б) «лицом к деревне» следует отметить, что он был весьма краткосрочным: с июня 1924 г. (создание комиссии по работе в деревне) и до октября 1925 г. (принятие пленумом ЦК РКП(б) резолюции «О работе партии среди деревенской бедноты»). Курс «лицом к деревне» в части, касающейся кооперации, представлял собой не реальную систему мер ее поддержки, а в основном словесные упражнения.

Что же касается призывов председателя СНК СССР А.И. Рыкова восстановить демократические выборы правлений кооперативов, прекратить вмешательство в их оперативную деятельность, предоставить им возможность функционирования на основе их уставов, то это вновь были просто слова. Ничего не дало и его выступление на XIV партийной конференции в защиту кооперации от классовой линии, от ущемления интересов крепких крестьянских хозяйств, нуждавшихся в

кооперации. На практике классовая линия на устранение из кооперативов или дискриминацию в них крепких хозяйств продолжала ужесточаться.

Кооперация держалась за счет поддержки государства постольку, поскольку она служила проводником политики партии в деревне, за счет искусственного создания ситуации, когда крестьянин вступал в кооперативы вынужденно, поскольку необходимый товар мог приобрести только в кооперативах и только через них – сбыть произведенный продукт. Никаких возможностей у кооперации не было, она разрушалась.

Были ли в ту пору альтернативные решения? Нам уже приходилось высказываться по поводу бухаринской альтернативы [12, с. 468–479]. Здесь же отметим, что позиция самого Н.И. Бухарина была крайне противоречива и далека от адекватного анализа реальности. С одной стороны, он был против форсирования колхозного строительства, с другой – в своей статье «Заметки экономиста» осенью 1928 г. он отмечал, что партия уже опоздала с постановкой вопроса о создании колхозов и совхозов. Бухарин решительно выступал за ограничение кулака и отказывался видеть, что середняцкое хозяйство не в состоянии решить продовольственную и сырьевую проблему страны в складывавшейся внутри- и внешнеполитической ситуации.

Однако у правой оппозиции имелись и реальные предложения по ослаблению создавшегося в стране продовольственного кризиса, их высказали на апрельском и ноябрьском пленумах (1929 г.) ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарин и А.И. Рыков. Суть этих предложений сводилась к закупкам хлеба за рубежом: Бухарин предлагал импортировать 50 млн пуд. зерна, Рыков – 150 млн [13, с. 16]. В действительности речь шла не просто о закупках хлеба, а о методах и темпах индустриализации. Общеизвестно, что правые потерпели поражение. Однако их подходы к разрешению обострявшегося продовольственного кризиса заслуживают внимания, так как позволяют лучше понять дальнейшую логику событий.

В своем выступлении на апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК председатель СНК СССР А.И. Рыков причину продовольственного кризиса в стране объяснил, прежде всего, стагнацией зернового хозяйства страны (урожай за последние годы в стране оставался в пределах 72 млн т). Именно в связи с этим возникли трудности с продовольственным обеспечением населения. И проблему эту не решить с наскока. Для этого потребуется время (3–4 года). А пока в качестве временной меры необходим импорт продовольствия, который позволит снизить остроту кризиса в деревне и особенно в городе, где уже действовала карточная система [14, с. 328, 335]. При этом на апрельском и затем на ноябрьском (1929 г.) пленумах ЦК ВКП(б) Рыков предлагал не усугублять ситуацию повторением ошибок хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг., которая проводилась по инициативе И.В. Сталина административно-репрессивными методами и дала незначительный результат с точки зрения количества заготовленного хлеба и ослабления продовольственного кризиса в стране. Отрицательный же эффект этой кампании, по

мнению Рыкова, был несравненно большим, поскольку проявлялся в сокращении посевных площадей, что увеличивало угрозу спада зернового производства. А.И. Рыков выступил за сбалансированное развитие сельского хозяйства, не отрицая необходимости повышения темпов колхозного строительства, но при этом делая ставку на единоличное хозяйство середняков.

Это была реальная альтернатива сталинскому курсу на решение продовольственной проблемы с помощью чрезвычайных мер. Платформа правых, как видим, сводилась к корректировке политики в сторону более последовательного осуществления нэповских принципов в отношениях с деревней, к сознательному снижению в этой связи темпов экономического роста для более гармоничного развития всех секторов народного хозяйства. Иными словами, предлагалось не осуществлять резкий поворот в сторону эксплуатации деревни в качестве внутренней колонии во славу идеалов плановой экономики как основы строительства нового общества. Но эта альтернатива не могла быть реализована, поскольку сталинское большинство уже победило в борьбе за власть.

На апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) против предложения Рыкова о закупке хлеба за рубежом выступили сам Сталин и его сторонники. Они считали, что трудности с хлебом носят временный характер и обусловлены неурожаем 1928 г., гибелью посевов от недорода в ЦЧО, Украине и на Северном Кавказе. Главной же причиной сложившейся ситуации И.В. Сталин и его окружение считали крестьянское («кулацкое») сопротивление хлебозаготовкам. Именно этот фактор требовал применения чрезвычайных мер [14, с. 453, 480]. Антикрестьянский настрой вождя и его сторонников имел самые негативные последствия, главным из которых сала варварская коллективизация деревни с помощью политики раскулачивания.

На апрельском пленуме сторонники И.В. Сталина связали проблему хлебозаготовок с начавшейся индустриализацией страны. По их мнению, предложения А.И. Рыкова и Н.И. Бухарина ставили под удар саму возможность ее осуществления. Аргументом против предложения правых закупить хлеб за границей прозвучала угроза остановки уже начавшихся строек первой пятилетки из-за прекращения их финансирования. Как известно, на пленуме победила сталинская точка зрения по вопросу о путях выхода из продовольственного кризиса. Поражение правых сделало наступление голода неизбежным. Еще на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин заявил, что «сельское хозяйство представляет базу развития индустрии и как рынок, поглощающий продукцию индустрии, и как поставщик сырья и продовольствия, и как источник экспортных резервов, необходимых для того, чтобы ввести оборудование для нужд народного хозяйства» [15, с. 252]. С 1929 г. начинается процесс резкого роста хлебозаготовительных планов, а сами хлебозаготовки превращаются в настоящую войну с крестьянством.

Как уже отмечалось, внутри партии большевиков сталинской «революции сверху» в качестве более без-

болезненного варианта проблемы «социалистической модернизации» деревни противостояли взгляды лидеров правого уклona, которые именуются «бухаринской альтернативой». Порой утверждается, что процесс кооперирования крестьянских хозяйств, каким он представлялся Н.И. Бухарину, вообрал в себя основные положения концепции «кооперативной коллективизации», разработанной А.В. Чаяновым. Однако разница во взглядах была принципиальной. На это обращал внимание известный историк-аграрник Э.М. Шагин [6, с. 96, 463]. А.В. Чаянов считал естественным условием жизни и деятельности кооперации наличие рынка, тогда как Бухарин рынок рассматривал в качестве временного явления. Бухарин, как и Ленин, мыслил социалистическое кооперирование деревни исключительно в условиях диктатуры пролетариата. Что же касается Чаянова, то он подлинными успехами кооперирования крестьянства связывал с демократическими порядками, которые должны прийти на смену диктаторскому режиму большевиков. Суть же чаяновской концепции можно выразить его же словами: «По нашему глубокому убеждению идеальным аппаратом сельскохозяйственного производства является совсем не крупная латифундия и не индивидуальное крестьянское хозяйство, а новый тип хозяйственной организации, в которой организационный план расщеплен на ряд звеньев, каждое из которых организовано в тех размерах, которые являются оптимальными для него. Говоря иначе, идеальным нам мыслится крестьянское семейное хозяйство, которое выделило из своего организационного плана все те его звенья, в которых крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой и организовало их на равные ступени крупности в кооперативы» [16, с. 3–4].

Результатом такого кооперирования была бы организация всех отраслей, работ и функций крестьянского хозяйства «в той степени крупности и на тех социальных основах, которые к нему подходили». Тем самым рядом с крестьянским хозяйством возникало и отчасти заменяло его «крупное коллективное предприятие кооперативного типа», благодаря чему получалась возможность использования преимуществ крупного производства там, где такие преимущества действительно существовали. Одновременно с повышением производительности труда и уровня аграрной культуры разрешались бы и сложные социальные проблемы. Такая «кооперативная коллективизация», как считали А.В. Чаянова и его единомышленники по организационно-производственному направлению аграрной науки (Н.П. Макаров, А.Н. Челинцев, А.А. Рыбников и др.), должна была осуществляться на добровольной, самодеятельной и сугубо хозяйственной основе.

В сравнении со сталинской насильственной ломкой крестьянского хозяйства реализация чаяновского варианта модернизации деревни означала бы безболезненную эволюционную перестройку аграрного сектора. Однако этот путь не гарантировал крупномасштабной перекачки материальных и трудовых ресурсов из деревни в город в целях форсированной индустриали-

зации. При существовавшем политическом режиме чаяновский вариант был неосуществим. И сам ученый, и его сподвижники четко осознавали это.

Лидеры правого уклона в ВКП(б) Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский вслед за А.В. Чаыновым, Н.Д. Кондратьевым и другими учеными-аграрниками, как уже отмечалось, были за эволюционный путь развития крестьянского хозяйства с постепенным охватом его всеми видами кооперации. Однако в вопросах аграрно-крестьянской политики «правые» коммунисты в пик ученым-аграрникам высказывались за усиление классового подхода в аграрной политике. Бухарин первым среди членов Политбюро ЦК ВКП(б) почти за полтора месяца до XV партийного съезда выдвинул требование «усилить нажим на капиталистические элементы <...> перейти к форсированному наступлению на капиталистические элементы деревни». Он же после апрельского (1928 г.) Пленума ЦК громил Кондратьева и его сторонников, усмотрев в рекомендациях ученого относительно сбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства страны совершенно откровенную кулацкую программу, «решительный сдвиг от индустриализации в сторону окулачивания страны» [17, с. 280-282].

Вместе с горбачевской перестройкой и гласностью у отечественных исследователей стала выстраиваться трактовка, во многом созвучная выводам и убеждениям зарубежных историков о том, что колхозно-совхозная система была нехороша по определению, обрекала советское сельское хозяйство на неэффективность и стагнацию, и жаль, что в истории страны была упущена реальная возможность развивать сельское хозяйство по нэповскому, рыночному пути многоукладности и кооперации. Однако надо учитывать, что экономически СССР на рубеже 1920–1930-х гг. был зависим от западного капитала, западных технологий. И средства на преодоление этой зависимости могли быть изысканы только в крестьянском производстве. Других источников экономического развития, модернизации не существовало. О взаимовыгодном партнерстве с Западом речь не шла и не могла идти. Угроза войны в те годы была реальной, а цены на зерно на рынке в условиях мировой депрессии были невыгодными.

Следует также отметить, что в основе идеи «крестьянской альтернативы» лежало представление о глубокой ненависти большинства крестьян к сталинскому режиму и его политике, о постоянной готовности действовать ему во вред, а себе на пользу. Однако крестьянам (равно как и рабочим, чьи ряды быстро пополнялись выходцами из деревни) слишком дорог был социалистический идеал, те надежды на справедливое будущее, которые питала деревня в отношении советской власти.

Речь идет не о социально-психологических характеристиках представителей высшего, среднего и низшего звеньев партийно-государственного руководства, об этом и прежде писали немало. Речь идет о психологическом состоянии сельских жителей, их внутренней готовности к радикальному повороту в их повседне-

ном бытии, мощной энергии ожидания перемен к лучшему. О внутренней готовности крестьян к переменам может свидетельствовать и такой факт. В 1926 г. был проведен опрос крестьян, почему они не переходят к прогрессивным севооборотам, а держатся за чересполосицу. С удивительным единодушием крестьяне отвечали, что, мол, жаль полосы переделывать, а вот грядет всеобщая социализация – тогда чему быть, тому не миновать. «Начиная с 1917 г., – отмечал В.П. Данилов, – большевистская пропаганда твердила об этой социализации, и нельзя говорить, что крестьяне ее совершенно не ждали. Другое дело, что она приняла такие формы, которых не ожидали не только крестьяне, но и сами большевики, даже накануне коллективизации» [18, с. 28].

К этому следует добавить, что во второй половине 1920-х гг. в советском обществе наблюдался рост антинэповских настроений. Так, бухаринский лозунг «Обогащайтесь!» оказался неприемлемым не только для большевистских руководителей, но и для традиционной крестьянской психологии. Так что политика «сдерживания кулацких поползновений», проводившаяся государством путем прогрессивного налогообложения, была и отражением существовавших в деревне настроений.

Крестьянский идеал в рамках единоличного хозяйствования не шел дальше желания получить от государства дешевый кредит, соединить свои участки в «широкие полосы», или, наконец, выделиться из села в мелкие поселки. Но общая неудовлетворенность экономической ситуацией в деревне к концу 1920-х гг. явно проступала во многих письмах во власть, хотя понимание причин сложившегося положения в них отсутствовало. Вместе с тем идея о возможности справедливого государственного регулирования сверху всего и вся, проистекавшая из утопического представления о назначении верховной власти, прочно засела в народном сознании.

На почве недовольства ситуацией стремление достичь чего-то нового, неведомого, положило начало целой череде бесконечных импровизаций и социальных экспериментов, которые проистекали из разногласий мнений, существовавшей в обществе. Попытки их немедленной реализации обернулись непредсказуемыми событиями, которые именуются «великим переломом».

Общеполитическая обстановка в стране на рубеже 1920–1930-х гг. складывалась таким образом, что у эклектических предложений Н.И. Бухарина и его сторонников относительно дальнейшего развития крестьянского хозяйства весомых шансов на осуществление не оказалось. Поражение правых было предопределено не только контролем И.В. Сталина над мощным партийно-государственным аппаратом, но и большой заманчивостью его установок «форсированного скачка» для партийных низов, части рабочих, а также бедных и некоторой части средних крестьян, для формировавшейся в те годы новой советской интеллигенции, которой старые специалисты представлялись помехой в их карьере. Что же ка-

сается идей и политических планов А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева и других ученых-аграрников, то сфера их реального общественно-политического воздействия на те или иные слои населения страны была еще более ограниченной, чем у правых.

Реальных шансов на претворение в жизнь ни бухаринская, ни чайновско-кондратьевская альтернативы сталинской форсированной коллективизации в конкретных условиях страны на рубеже 1920–1930-х гг. не имели. Советская деревня оказалась обреченной на величайшую трагедию – насильственную коллективизацию, благодаря которой сталинскому руководству удалось достичь одной из главных экономических целей: обеспечить гарантированные поставки хлеба по низким ценам. Колхозный строй, наскоро созданный в первой половине 1930-х гг. неизмеримо дорогой, но не напрасной ценой позволил обеспечить усиленную перекачку средств и рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, тем самым сделав мощный индустриальный скачок накануне войны. Сам же колхозный строй стал неотъемлемой составной частью предельно централизованной экономики мобилизационного типа, которая внесла весомый вклад в победу в Великой Отечественной войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков В.О. Голод 1924–1925 гг. в Поволжье. Волгоград, 2009.
2. Бабашкин В.В. Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М., 2007.

3. Бруцкус Б.Д. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы // Вопросы экономики. 1991. № 10.
4. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.
5. Челинцев А.Н. Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков, 1919.
6. Шагин Э.М. Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX вв.). М. 2008.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Т. 4.
8. Кабанов В.В. Судьбы кооперации в России // Судьба российского крестьянства. М., 1996.
9. Никифоров Е.А. К проблеме альтернативности в социальном развитии России // Историческое значение нэпа. М., 1990.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45.
12. Есиков С.А. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. М., 2011.
13. Голод в СССР. 1929–1934. М., 2011. Т. 1.
14. Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. М., 2000. Т. 4.
15. Сталин И.В. Соч. Т. 11. М., 1949.
16. Чайнов А.В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М., 1924.
17. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.
18. Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар). Обзор подготовлен В.В. Бабашкиным // Отеч. история. 1993. № 2.

Статья поступила
в редакцию 01.08.2013

УДК 94(47).084.6

В.А. ИЛЬИНЫХ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ: ПРОЕКТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: agro@history.nsc.ru

Рассматриваются предпосылки, альтернативы, планы реализации и социально-экономические итоги форсированной коллективизации. Сделан вывод, что поставленные идеологами большевистского режима цели не были достигнуты в силу противодействия со стороны крестьянства, традиционные ментальные основы жизнедеятельности которого не были учтены при разработке планов социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Ключевые слова: коллективизация, проекты аграрного развития, Сталин, колхозная система, историография.

Коллективизация традиционно является одной из центральных проблем отечественной исторической науки. На советском этапе развития профессиональной

историографии ее исследователи в целом следовали официально принятой концепции «социалистической реконструкции деревни». В соответствии с ней причинами перехода к сплошной коллективизации стали: 1) крайняя ограниченность возможностей мелкого крестьянского хозяйства и полная неспособность его

*Статья подготовлена в рамках проекта Президиума РАН № 33.2.2.